

Он поднял лампу — свет упал на Ломана, стоявшего рядом с холодильником.

Лу Ми не знал, показалось ему или нет, но в улыбке Ломана сквозила какая-то странная заискивающая нотка.

Ломан сжал кулак и понизил голос:

— Либо прикроешь меня, либо проваливай.

Ломан тихо усмехнулся:

— А ты, я погляжу, совсем не стесняешься.

Лу Ми открыл дверцу холодильника, но вдруг почувствовал, что сверху что-то нависло.

Это Ломан, контролируя силу, положил голову ему на плечо — они вместе заглянули внутрь.

На верхней полке стояло зеркало. На первый взгляд — самое обычное, но здесь оно выглядело крайне неуместно.

Он протянул руку, чтобы достать его, но Лу Ми несильно, но ощутимо шлепнул его по запястью.

— Это зеркало может оставить следы, Мама их заметит, лучше не трогать.

Ломан протянул «о-о», словно ему пришлось по душе мягкие волосы Лу Ми, и несколько раз потерся о них подбородком.

Лу Ми, спешивший открыть нижнюю дверцу, не стал ничего отвечать.

В морозильной камере, плотно прижатые друг к другу, лежали груды белого мяса. Места почти не оставалось.

— Как думаешь, чье это мясо? — спросил Ломан.

Лу Ми хотел было податься вперед, чтобы принюхаться, как вдруг среди слоев свежего мяса отчетливо увидел отрубленный палец.

Человеческий палец.

— Что же ты передумал нюхать?

Лу Ми тихо закрыл дверцу холодильника:

— Больше не нужно.

В этот момент где-то вдалеке слышались шаги, которые приближались к кухне.

Лу Ми затаил дыхание, вслушиваясь: шаги были неровными — то тяжелыми, то легкими, и сопровождалась звуком, будто волокли что-то массивное.

Ломан явно тоже их услышал, но продолжал с любопытством наблюдать за Лу Ми, словно ожидая, что тот предпримет.

Лу Ми метнулся к кухонному окну. Он помнил, что днем Ломан выбирался наружу именно через него.

Окно не поддалось.

— Заперто, — Лу Ми с досадой пнул воздух. Если сейчас выйти через кухонную дверь, встреча с Мамой почти неизбежна.

Ломан, прислонившись к холодильнику, сказал:

— Я могу задержать её, а ты воспользуешься моментом и сбежишь.

Лу Ми, не поднимая головы, лихорадочно искал, где бы спрятаться:

— Правда? И с чего бы тебе быть таким добрым?

— Что за тон? Попроси меня ласково, скажи что-нибудь приятное, тогда помогу.

Лу Ми открыл дверцу шкафчика и юркнул внутрь:

— Тогда обойдусь.

Днем, во время уборки, он специально переложил всю посуду из этого шкафа в буфет.

Места было не так уж много, и Лу Ми пришлось свернуться калачиком, чтобы поместиться.

Ломан склонился над ним, изображая обиду:

— А как же я? Ты меня бросаешь?

Лу Ми с каменным лицом погасил свет и поудобнее устроился:

— Ты неубиваемый, не притворяйся. Закрой за мной дверцу, будь добр.

Дон... Дон...

Пробили двенадцать часов ночи, и Лу Ми охтило нехорошее предчувствие: кажется, он кое-что забыл, планируя этот ночной вылазку к холодильнику.

Когда он с глухим хлопком повалился на деревянное дно шкафа, взгляд Ломана, устремленный на него, внезапно стал хищным и возбужденным.

...

Теперь, когда он превратился в кота, места в шкафу с трудом хватило и на второго. Ломан радостно втиснулся внутрь, задвинул дверцу, подхватил Лу Ми и принялся жадно тискать.

Лу Ми хотел вырваться, но боялся, что шум привлечет Маму, поэтому лишь мысленно чертыхался, обещая припомнить всё это позже.

Шкаф стоял прямо напротив кухонной двери. Зрение кота было острым, и через щель в дверце он видел всё, что происходит снаружи.

К шкафу приблизился испачканный в жире фартук. Позади волочился черный мешок. Лу Ми припомнил, что над этим шкафом обычно лежала разделочная доска.

Мама стояла к ним спиной, наклонившись над мешком; она расстегнула молнию и начала там копать.

Лу Ми с замиранием сердца наблюдал, как вскоре Мама вытянула наружу нечто круглое и тяжелое.

В холодном лунном свете Лу Ми разглядел, что в этом шаре зияет пустая дыра. Он узнал — это была голова того самого бедолаги, которому Мама вчера отрезала язык.

Широко раскрытые глаза мертвеца, застывшие в вечном ужасе, смотрели прямо на щель в шкафу.

Лу Ми сглотнул ком в горле и почувствовал, как рука, гладившая его по голове, замедлила движения.

Мама пробормотала:

— Некрасиво. Надо отсечь.

Что именно отсечь?

Мама выпрямилась, и вслед за головой показалось остальное тело. Тяжелую, весом не меньше центнера тушу она медленно затащила на разделочный стол.

По всему выходило, что Мама не собирается уходить в ближайшее время.

Лу Ми лихорадочно соображал, как быть, если их обнаружат, как вдруг над головой раздался оглушительный удар — Дон! — от которого затрясся весь шкаф.

Сверху, через щели в дверце, закапала какая-то жидкость.

В то же время рука Ломана, лежавшая на его голове, принялась нежно поглаживать его, словно успокаивая.

После того как Мама еще несколько раз ударила тесаком, она тихо рассмеялась:

— Хорошо. Теперь красиво.

Она стащила тело вниз, но оно словно стало короче.

Лу Ми хотел рассмотреть получше, но обзор внезапно перекрыла ладонь Ломана — он накрыл ему глаза.

Через некоторое время Ломан прошептал:

— Она ушла.

Лу Ми поднял голову. В шкафу было почти темно, но по контурам он понял, что Ломан тоже смотрит на него сверху вниз.

— Идем?

Лу Ми, неспособный сейчас говорить по-человечески, положил лапу на руку Ломана и с трудом нарисовал крестик — нельзя.

Если память его не подводит, к этому моменту погибло уже девять Игроков, и было неясно, ограничится ли Мама только этим трупом.

И точно, не прошло и двух минут, как Мама снова приволокла черный мешок.

На этот раз Лу Ми слегка укусил Ломана за палец, не давая ему помешать себе смотреть.

Он не был бесстрашным, но пропустить важную зацепку боялся больше, чем рискнуть собственной психикой.

Как и в прошлый раз, Мама затащила тело на стол, и снова послышались глухие удары тесака.

Пара мгновений — и нечто круглое с грохотом покатилося по столу, упав прямо перед дверцей шкафа.

<http://bllate.org/book/19769/1947267>